

4. Толстой, Л. Н. Искусство как передача эмоций. Современная книга по эстетике / Л. Н. Толстой. – М., 1957. – С. 235.

5. Философская энциклопедия : в 5 т. / Ф. В. Константинов (гл. ред.). – М. : Советская энциклопедия, 1960–1970. – Т. 5. – С. 185.

*А. Г. Матвеевко, преподаватель
кафедры межкультурных коммуникаций*

НАУКИ О КУЛЬТУРЕ: РАЗНООБРАЗИЕ КОНЦЕПЦИЙ И ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Современная дифференциация знания на естественное и гуманитарное имеет давнюю традицию. Первоначальное разделение знания восходит к философскому принципу деления бытия на материальную и идеальную сферы, разделению на науки о природе и науки о духе (хотя институционально формула «науки о духе» получит свое выражение только благодаря работам В. Дильтея, под науками о духе в данном контексте понимается комплекс дисциплин и методов, которые в своей основе исходят из духовного, божественного начала человека и человеческой личности; к ним можно отнести богословие, античную и средневековую логику, философию и т. д.). В Новое время в связи с технологическими изменениями во многих областях жизни (религиозной – Реформация; географической и этнографической – Великие географические открытия; социальной и политической – «опыт» колониализма и построения империй на новых властных принципах и т. д.) и нарастанием предметно-вещественного разнообразия в повседневных практиках всех слоев общества, возникает необходимость в знании синкретической направленности, которое бы было адекватно новой действительности. Для этого возникает потребность в наименовании того предметно-вещественного разнообразия рукотворного характера, которое ранее в силу своей ограниченности не нуждалось в рефлексии и анализе. Это множество под разными названиями входит в круг интеллектуальной деятельности, суть которого сводится к одному универсальному началу – культуре, т. е. то, что сделано человеком, и то, что содержит в своей сущности как материальное (предметность), так и идеальное (ценность).

Однако долгое время данный тип мысли носил имплицитный характер, и только в XIX в. находит свое теоретическое выражение и входит в академический научный «арсенал». Одним из первых дает эксплицированное выражение такому мышлению в уже ставшей классической статье «Науки о природе и науки о культуре» Генрих Риккерт: «То обстоятельство, что мы причисляем к культуре также орудия производства сельского хозяйства, а также химические вспомогательные средства... показывает, что это выражение гораздо лучше подходит к неестественно-научным дисциплинам, чем термин “наука о духе”. Хотя технические изобретения обыкновенно и совершаются при помощи естественных наук, но сами они не относятся к объектам естественно-научного исследования; нельзя также поместить их в ряд наук о духе. Только в науке о культуре развитие их может найти себе место» [4, с. 69]. Таким образом, мы можем, ввиду предыдущих рассуждений, говорить о двух вещах: 1) о том, что наука о культуре свое происхождение не ведет исключительно от наук о духе либо от наук о природе; 2) наука о культуре занимает промежуточное положение между двумя типами наук из-за особой двойственности объекта изучения.

В дальнейшем познание приобретает знакомое нам деление на естественные и гуманитарные науки, которые разнятся не только объектом изучения, но и формальными методами. Науки о культуре входят в комплекс гуманитарных наук, приобретая по мере своего развития множество региональных дисциплинарных традиций, многие из которых берут свое начало из антропологической парадигмы. В общем виде все многообразие наук, основным объектом изучения которых является культура, можно представить следующим образом: антропологическое направление – культурная антропология (США и ряд институтов и университетов за пределами США). Кроме того, как видится автору статьи, сюда же следует отнести и другие дисциплины в рамках антропологического познания в силу того, что если в них и не постулируется культура в качестве основного объекта изучения, то в различных вариациях акцентируется роль культурных практик в качестве конституирующих человеческое поведение, его модальности и ценностные иерархии. Поэтому к антропологическому направлению при всей

мере условности можно отнести следующие научные дисциплины: социальная антропология (Великобритания и ее бывшие колонии – Австралия, Канада, Новая Зеландия и т. д.), физическая антропология, теологическая антропология, философская антропология. Немецкая традиция, которая ведет свое начало с Иоганна Готфрида Гердера, представлена таким комплексным направлением как *Kulturwissenschaft* – «наука о культуре». В Российской империи культуру изучала дисциплина этнография, после падения династии Романовых – этнология [3]. После распада СССР на постсоветском пространстве получила свое институциональное и академическое оформление культурология, которая за несколько десятилетий своего существования в качестве самостоятельной науки породила немало количество школ: от философии культуры, семиотики культуры до культурологии искусства. Более того, наблюдаются региональные различия в культурологии стран СНГ, что позволяет нам говорить о формировании национальных культурологических школ в Беларуси, Украине, Молдове и т. д.

Даже учитывая принципиальную установку наук о культуре на интегральность, факт чрезвычайного разнообразия дисциплинарных ответвлений и направленностей остается необычным как для науки в целом, так и конкретно для гуманитаристики. Посторонним наблюдателям и иногда самим исследователям культуры такое разнообразие представляется излишним и затрудняющим понимание в академической среде индивидуальных гипотез и программ. Высказывания нуждаются в постоянном согласовании по поводу концептуального словаря, настраивании коллективной «оптики», расширении глоссария и т. д. Примером может служить то обстоятельство, что почти любое явление культуры в рамках наук о культуре может быть рассмотрено под углом функционализма, диффузионизма, культурного детерминизма, эволюционизма и других течений, результат анализа в таком случае будет отличаться, иногда незначительно, иногда радикально. Если же какое-то явление культуры изучают разные по происхождению и разные по методологическому аппарату дисциплины, то можно с уверенностью утверждать, что результат будет не только отличаться, но и находиться в прямом теоретическом противоречии. Достаточно напомнить о том, что концепций культуры существует огромное количество, как и самих определений культуры.

В чем причины такой ситуации и не сказывается ли она отрицательно на эвристическом потенциале наук о культуре и культурологии в частности? Следует, во-первых, остановиться на том, что существуют несходные концепции развития науки: от кумулятивной концепции до концепции научных революций и смены научных парадигм. Для представителей естественных или гуманитарных наук та или иная концепция развития представляется более органичной не только из-за личных предпочтений и личного опыта ученого, но и из-за той научной метарадиции, в которой формировался и работает исследователь. Предпочтительной для гуманитарной сферы многим видится кумулятивная концепция развития науки. Т. Кун в своем труде «Структура научных революций» настаивал на мысли, что смена научных парадигм свойственна естественным наукам наравне с гуманитарными. Однако тот же Т. Кун в посмертно изданном сборнике статей «После “Структуры научных революций”» смягчил свою позицию, которая стала приемлемее для наук, изучающих культуру. В частности, он ввел в конфигурацию роста знания ранее применявшийся в гуманитаристике как метод процесс интерпретации и гиперинтерпретации. Для гуманитарных наук, по мысли Т. Куна, аксиоматических, не меняющихся во времени, положений не должно существовать, они должны постоянно корректироваться: «Без такой устойчивости старого представления исследования, которые привели к его изменению, были бы невозможны. Однако такой устойчивости нельзя ожидать, когда речь идет об изучении социальных или политических систем. Для тех, кто их исследует, не может быть прочной основы, обеспечивающей нормальное исследование, нужны герменевтические переинтерпретации. Именно здесь можно провести границу между гуманитарными и естественными науками...» [2, с. 308]. Таким образом, понятия и концепции культуры непрерывно уточняются, корректируются, находятся в положении взаимного теоретического обогащения.

Следовательно, возможен специфический механизм накопления и интерпретации знаний о культуре, который бы объяснил трудности в окончательной концептуализации культурологической теории. Одной из особенностей является то, что по сравнению с большинством наук, культурологические доктри-

ны сосуществуют, не отменяя друг друга, теоретические достижения предшественников во многом сохраняют свою актуальность и статус (наряду с циклическими концепциями культуры сосуществуют линейные концепции; вместе с семиотическим подходом к культуре находит место психоаналитический и т. д.). Культурологическое познание не развивается эволюционно, прежние гипотезы не признаются (за редким исключением) устаревшими или неверными: знания аккумулируются и абсорбируются. Великий американский антрополог Клиффорд Гирц сформулировал еще одну важную особенность наук о культуре в своей книге «Интерпретация культур» следующим образом: «Отсюда следует необычность той манеры, в которой по сути растет наше знание культуры (культуры как абстракции, конкретной культуры, множества культур): оно растет в импульсных движениях. Анализ культуры представляет собой не равномерно восходящую кривую накапливаемых данных, а скорее разбивается на последовательность дискретных, но тем не менее согласованных и все более и более смелых “вылазок”. Новые исследования, конечно же, опираются на предыдущие, но не в том смысле, что они продолжают движение с той точки, на которой остановились другие, а в том, что, обладая большей информацией и лучшими концептуальными схемами, они предпринимают все более глубокие проникновения в те же самые явления» [1, с. 34]. То есть, наши знания о культуре принципиально неполны в конкретное «здесь и сейчас» в силу сложности и неохватности затрагиваемых проблем, разнородности методологического инструментария и понятийных аппаратов. Эта неполнота является структурным параметром в познании культуры, его неотъемлемой частью, если угодно, стилем.

Отсюда следует, что разнообразие концепций культуры, множество и разрозненность региональных дисциплинарных традиций в изучении культурных явлений, нескоординированность концептуального словаря и отсутствие единства в определении основных понятий – все это демонстрирует не недостатки и противоречия, а является системными характеристиками настоящего и возможного состояния наук о культуре. Важно упомянуть, что исследовательский процесс затруднен этими обстоятельствами, но культура представляет собой слишком важную сферу, чтобы пассивно в ее изучении перед препятст-

виями такого рода: «Каждый серьезный анализ культуры начинается опять с самого начала и заканчивается там, куда удастся добраться, прежде чем будет исчерпан интеллектуальный импульс» [1, с. 34].

1. *Гирц, К.* Интерпретация культур / Клиффорд Гирц. – М. : Росспэн, 2004. – 557 с.

2. *Кун, Т. С.* После «Структуры научных революций» / Томас Кун ; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М. : АСТ, 2014. – 443 с. – (Новая философия).

3. *Никишенков, А. А.* История британской социальной антропологии / А. А. Никишенков. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2008. – 494 с.

4. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о духе / Г. Риккерт // Логика культуры. Антология. – СПб., 2009. – С. 67–99.

*Г. У. Махнач, кандыдат тэхнічных навук, дацэнт
кафедры інфармацыйных тэхналогій у культуры;*

*С. А. Ганчарова, кандыдат тэхнічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры інфармацыйных тэхналогій у культуры*

АДЛЮСТРАВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ ФАЛЬКЛОРНАЙ СПАДЧЫНЫ СРОДКАМІ МЕНТАЛЬНЫХ КАРТ

Ментальныя карты трывала ўвайшлі ва ўжытак даследаванняў самых розных навук і галін дзейнасці ад сацыялогіі да архітэктуры, ад псіхалогіі да планавання і кіравання [2]. У цяперашні час, са з'яўленнем вялікай колькасці адпаведных вэб-сервісаў сеткі Інтэрнэт і хмарных сховішчаў, метады ментальных карт перажывае другое нараджэнне, выяўляючы ўсё новыя грані і магчымасці выкарыстання. Гэта адбываецца на фоне росту папулярнасці разнастайных практык візуалізацыі даных. Ментальныя карты дазваляюць даследчыку сфакусавацца на галоўным у той інфармацыі, з якой ён працуе, развіваюць у яго навыкі сістэмнага мыслення, дазваляюць ствараць лаканічныя спецыфікацыі, візуалізуюць уяўленні аб прадмеце, які даследуецца. На сённяшні дзень ментальныя карты – адзін з самых перспектыўных метадаў у працэсе збору, структурыравання інфармацыі і яе эфектыўнай апрацоўцы. У метадалагічным плане тут цалкам дамінуе даследчая рамка